

— Когда вы отправляетесь, князь?

— Завтра на рассвете.

Ань Чанцин кивнул:

— Тогда я сегодня же соберу твои вещи.

— Не нужно ничего собирать, — Сяо Чжигэ взял его за руку. Взгляд его был глубоким и тяжелым. Губы шевельнулись, будто он хотел сказать что-то, но не знал, как начать. Лишь спустя долгое время он тихо обнял Ань Чанцина и со вздохом произнес: — Прости меня.

Мужчине вынашивать ребенка и без того тяжело. А роды — и вовсе шаг в врата смерти. Но Сяо Чжигэ даже не знал, сможет ли вернуться к тому времени, чтобы быть рядом с ним.

Ань Чанцин накрыл его ладонь своей, переплетя их пальцы, и с улыбкой сказал:

— Весь этот поход для тебя не первый. Я буду ждать тебя дома.

Прежде он наверняка извелся бы от тревоги. Но теперь он уже давно не тот робкий и ни на что не годный сын от наложницы. Он мог держать в полном порядке все дела Яньчжоу и дать своему генералу возможность уйти в поход, не беспокоясь о тыле.

Теперь он больше ничего не боялся.

Он верил, что Сяо Чжигэ умиротворит юг, и верил, что сам сможет уберечь их дом и дожидаться его победоносного возвращения.

Он сжал руку мужчины и положил её на свой округлившийся живот, тихо говоря:

— Малыш ведет себя очень послушно и совсем меня не беспокоит. Когда ты покоришь южные земли, отвези нас посмотреть на юг, — в его глазах блеснула нежная улыбка. — Я ведь никогда там не был.

Беспокойство, терзавшее Сяо Чжигэ, улеглось от этих ласковых слов. Он уткнулся лицом в изгиб его шеи, глубоко вдохнул, а затем бережно и торжественно погладил его живот:

— Хорошо. Как только подчиню юг, я сразу заберу вас туда отдохнуть.

В ту ночь они спали в обнимку. Живот Ань Чанцина уже вырос, поэтому лежать он мог только на боку. Сяо Чжигэ положил его голову себе на руку, а другой обнял за талию, тихонько поглаживая по спине. Ань Чанцин, который в последнее время много спал, быстро погрузился в глубокий сон. Но Сяо Чжигэ так и не смог уснуть. Он смотрел на него всю ночь, и только когда на востоке показались первые предрассветные полосы, нежно поцеловал его в лоб и бесшумно поднялся.

Ань Фу, услышав шорох, вышел посмотреть, но Сяо Чжигэ жестом приказал ему молчать, и слуга ушел обратно.

Собирать вещи Сяо Чжигэ действительно не требовалось. Умывшись и переодевшись в легкую одежду, он бесшумно оседлал коня и отправился в военный лагерь. Двадцатитысячное войско уже было готово к походу. Сяо Чжигэ поднял копьё из вороненой стали, воины в один голос издали клич, и взвилось знамя с иероглифом «Гэ». Отряд устремился на юг.

Три южные провинции погрузились в хаос, и опаснее всего положение складывалось в Жуаньчжоу. Цинчжоу и Юнчжоу уже пали. Местная знать набрала собственную охрану и вступила в противостояние с повстанцами. Они поделили земли пополам, окончательно выйдя из-под контроля местных военачальников и гарнизонов. Силы знати, объединившейся в союзы, оказались немалыми. Не сумев быстро одолеть богачей в Цинчжоу и Юнчжоу, повстанцы устремили взоры на Жуаньчжоу.

Жуаньчжоу прикрывала подход к Ецзину и была подготовлена заранее, благодаря чему отбила несколько атак повстанцев и пока держалась. Однако восставшие крестьяне уже ослепли от крови, и их боевая мощь была велика. Без подкрепления местный гарнизон долго не протянул бы.

Император Аньцин изначально приказал Сяо Чжигэ сначала прийти на выручку Жуаньчжоу, а затем усмирить Юнчжоу и Цинчжоу. Однако Сяо Чжигэ вовсе не собирался подчиняться приказам императора Аньцина. Такой царящий вокруг хаос был шансом, которого он ждал слишком долго.

Во главе двадцатитысячной армии он выступил из Яньчжоу, миновал Сучжоу и Юйчжоу и устремился прямо к Цинчжоу. Именно с Цинчжоу началась смута, и именно эта провинция из трех была самой богатой. Поначалу мятеж застал местных богачей врасплох, но, придя в себя, они тут же сформировали вооруженные отряды и начали давать отпор повстанцам. Повстанческая армия, по сути, была лишь сбродом, добивавшимся побед ценой огромных людских потерь. А вот местная знать не испытывала недостатка ни в деньгах, ни в продовольствии. Наняв воинов, они из мести начали массовую резню мирных жителей, объявив всех крестьян, даже не участвовавших в мятеже, бунтовщиками.

Сяо Чжигэ направлялся туда именно для того, чтобы первым делом покончить с этими жестокими землевладельцами, терзавшими народ. В конечном счете именно они захватили земли и угнетали простых людей, став причиной мятежа; не казнив их, невозможно утихомирить народный гнев. К тому же за многие годы богачи прибрали к рукам слишком много земель, и пока не собьешь с них спесь и не покажешь пример другим, они ни за что не отдадут свое добро.

Двигаясь день и ночь, армия добралась до Цинчжоу. Первыми, кого они встретили, оказались воины местного гарнизона. Цинчжоу находилась под управлением генерала Цзоцю, однако сейчас эти солдаты вяло стояли лагерем за пределами города, а ворота Цинчжоу были наглухо закрыты.

Сяо Чжигэ отправил людей к городским стенам с приказом отворить ворота, но сколько они ни кричали, никто не отозвался. Зато к ним поспешно выбежал Цзоцю, на ходу натягивая доспехи, и произнес:

— Ворота Цинчжоу сейчас под контролем ополчения знати и мятежников — две стороны удерживают по двое ворот. Ни те, ни другие нам не отворят.

Цзоцю было за сорок, он был пухлым и белолицым. Доспехи на нем сидели не величественно, а скорее комично и нелепо.

— Ты — командующий гарнизоном Цинчжоу. Мало того что не смог подавить бунт, так даже не удержал сам город? Тебя, точно бездомную собаку, выгнали за городские стены? — холодным тоном спросил Сяо Чжигэ, прожигая его взглядом, подобным лезвию клинка.

Жир на Цзоцю задрожал, и он с жалобным лицом запричитал:

— Ваше Высочество, судите справедливо! Я правда ничего не мог поделать! Эти бунтовщики сражаются насмерть, мне пришлось временно отступить!

Чжоу Хэлань ранее находился в Цинчжоу, так что Сяо Чжигэ до мельчайших подробностей знал о положении дел. Беспорядки начались именно здесь: мятежники резали богачей, грабили деньги и зерно. Цзоцю, будучи командующим, попытался подавить мятеж силой, но едва сам не погиб от рук бунтовщиков, ворвавшихся в его дом. Перепугавшись до смерти, он прихватил жен, наложниц и детей и сбежал в лагерь за городом. Как только главный военачальник бросил пост, в городе начался еще больший хаос. Повстанцы озверели от крови, но и богачи оказались не промах — собрали собственную армию для отпора. В итоге Цзоцю, командующий Цинчжоу, превратился в никому не нужную пустышку.

А ворота, у которых они сейчас находились, удерживала как раз армия местных богачей.

Каков командир, таковы и солдаты. Восемь тысяч воинов Цинчжоу были такими же упавшими духом и ленивыми, как и сам Цзоцю. Наверное, сейчас они надеялись, что Сяо Чжигэ прорвется вперед и захватит город, а они просто зайдут следом за ним.

Сяо Чжигэ тихо ухмыльнулся, но взгляд его мгновенно заледенел.

— Генерал Цзоцю пренебрег служебным долгом, бежал с поля боя и бросил Цинчжоу на произвол судьбы! По закону он подлежит казни! Взять его! — чеканным голосом произнес он.

Цзоцю еще только собирался выдавить подобострастную улыбку, как вдруг понял, что князь моментально изменился в лице. Он тут же вжал голову в плечи, словно трусливая черепаха, и завопил:

— Я — генерал, назначенный самим Его Величеством! Я — командующий Цинчжоу и названный сын великого столпа государства Чу! Даже если меня нужно судить, это следует делать в Ецзине! Даже вы, князь, не имеете права казнить меня на месте!

Сяо Чжигэ с бесстрастным лицом посмотрел на него:

— Генерал в походе не обязан выполнять все указы государя. А у меня правила свои.

С этими словами он поднял руку. Тотчас же отряд воинов выступил вперед и свирепо устремился к Цзоцю. Тот отступал под защитой своих охранников и грозно, но трусливо кричал:

— Задержите их!

Однако солдаты, которых он привел, храбростью от него не отличались. Столкнувшись с воинами из Яньчжоу, они тут же трусили, как зайцы перед орлом.

Никто не посмел оказать сопротивление и никто не дерзнул помешать воинам из Яньчжоу схватить генерала. Двое дюжих солдат стащили Цзоцю с коня и с силой поставили на колени перед Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ не желал тратить попусту слова и лишь произнес:

— Казнить.

Лицо Цзоцю побледнело, он затрепетал, собираясь молить о пощаде, но огромный клинок Те Ху мгновенно опустился. Цзоцю так и остался с широко раскрытым ртом, не успев произнести ни слова.

Те Ху сплюнул, оглядел солдат Цинчжоу, сжавшихся как цыплята, и витиевато выругался:

— Кучка трусливых слизняков.

Среди оставшихся командиров Цинчжоу у некоторых на лицах мелькнуло недовольство, но, уstraшенные решительностью и беспощадностью Бэйчжань-вана, они не посмели подать голос.

Сяо Чжигэ оглядел остатки войск Цинчжоу, нахмурившись. Однако времени тренировать их сейчас не было, поэтому он просто взмахнул рукой:

— Отправьте людей к воротам. Если снова не откроют — штурмуем.

От автора:

Сяо Чжигэ: «Отправился завоёвывать империю для супруга и ребёнка».

Те Ху снова отправился к воротам выкрикивать требования, однако ворота Цинчжоу оставались наглухо закрыты, и никто даже не появился в ответ.

В самом Цинчжоу несколько богачей, контролировавших войска, собрались вместе и совещались, как поступить. Войско стояло под стенами, и они, разумеется, не могли об этом не знать. Именно потому, что они узнали обо всем заранее, они и пребывали в колебаниях, не зная, что предпринять.

<http://bllate.org/book/18381/1767850>